

После того, как Дун Шуо отправил это сообщение группе, Су Юй был ошеломлен.

Это произошло не из-за ставки. Он и Дун Шуо были друзьями детства и любили провоцировать друг друга. Ся Жань с юных лет жил по соседству с Дун Шуо, называя его братом. Отношения Дун Шуо с Ся Жанем были ближе, чем у него. Су Юя не заботило, на что другие делают ставки; его заботило только одно.

Он тут же позвонил Дун Шуо. — Что ты имеешь в виду? Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что современные технологии не могут решить эту проблему? Неужели дело, за которое взялся наш женишок, настолько сложное?

Дун Шуо неторопливо ответил. — Почему бы не разобраться, прежде чем бросать деньги на ветер? Зачем спрашивать меня о моей ставке?

Су Юй: — Чёрт, что плохого в поддержке женишка? Безоговорочная поддержка! Прекрати нести чушь и расскажи мне об этом.

Голос Дун Шуо остался томным. — Значит, после нашего разговора ты можешь передать информацию Линь Шуйчэну?

Тайна Су Юя была раскрыта, но он сделал вид, что ничего не произошло.

— Как такое может быть? Я еще не настолько близок с ним. Если я потеряю деньги, разве не я буду в дураках? Что происходит? Скажи мне. Мы встретимся сегодня на барбекю, окей?

Дун Шуо сделал паузу. Казалось, он сверял свое расписание с секретарем, прежде чем сказал Су Юю: — Сегодня вечером я не смогу прийти. Мне нужно пойти к бабушке. Если ты сейчас свободен, то можешь зайти в столовую административного отдела. Как знаешь.

Су Юй быстро сказал: — Я приду! Еда есть еда. Это лучше, чем вареная капуста дома.

Дун Шуо усмехнулся.

В доме Су Юя «вареная китайская капуста» была просто вареной капустой, пресной до безвкусы. У них также были строгие правила, запрещающие закуски даже в обычные дни.

Это было наиболее очевидно в годы их обучения в средней школе, когда Су Юй и Фу Лоинь вместе перевелись в пансион в средней школе, дочерней школе Звездного университета. Еда там имела печальную репутацию. Фу Лоинь, Дун Шуо и Ся Жань ежедневно ходили в магазин, чтобы купить лапшу быстрого приготовления, в то время как только Су Юя можно было найти с удовольствием поглощающим большие порции в кафетерии.

Су Юй тут же поймал такси и направился напрямиком в административное здание.

Войдя, он сразу же взял в руки превосходный черный чай, который Дун Шуо хранил в своей записке, и небрежно взял из кладовой пакет сухого молока.

Сделав чай с молоком, он сел напротив Дун Шуо и неторопливо сказал:

— Угощайся. Господин Дун, что думаешь?

Дун Шуо поправил ноутбук на столе, проецируя его содержимое на слайд-экран в комнате. В одно мгновение на экране появился окончательный отчет Департамента общих дел по недавнему знаменитому делу о распознавании подлинника.

На первом слайде были представлены сканы двух картин в высоком разрешении — сравнительный анализ наследия известного художника. Су Юй не смог прокомментировать их особую художественную ценность, но он прекрасно понимал, что невозможность установить подлинность картин приведет к серьезным последствиям.

Первой была картина маслом, датируемая 15 веком. За такой длительный период ее украли ошеломляющее количество раз — семнадцать. Последний экземпляр неожиданно появился на аукционе, был анонимно выставлен на продажу и впоследствии приобретен очень уважаемым коллекционером. Этот почтенный человек намеревался вернуть картину Музею Альянса по случаю своего 75-летия. Однако незадолго до передачи в дар снова была совершена кража. При обнаружении вместо одной картины было две. Расследование показало, что вероятными преступниками является высокотехнологичная преступная организация, которая уже пять лет находится в розыске в Альянсе. Это группировка под названием RANDOM.

— Коллекционер, о котором идет речь — это тот, кто сообщил об инциденте, попросив, чтобы виновника пока не искали, но выявили подлинник. Не имеет значения, кто это; важно, что этот человек хочет, чтобы расследование было проведено конфиденциально и в идеале завершено до его семидесятипятилетия. Наш Департамент по общим вопросам придавал этому делу большое значение, но вскоре мы столкнулись с непреодолимой технической проблемой.

Су Юй инстинктивно спросил: — Тогда сколько времени осталось?

Дун Шуо на мгновение остановился, прежде чем продолжить: — Сначала было семь дней, но теперь осталось пять. Пять дней и восемь часов, если быть точным. Картины уже переданы университету. Линь Шуйчэн и Юй Фань видели их два дня назад.

Су Юй взял дымящийся молочный чай, нервно отпил, а затем сказал: — Продолжай, в чем же проблема?

Дун Шуо постучал пальцами по столу. — Проверка подлинности известных картин, особенно

написанных в XV веке, обычно включает в себя изучение цвета, изучение стиля живописи и определение использованных пигментов.

— У каждого художника свой уникальный стиль. Например, Сальвадор — один из тех, чьи мазки кисти неразличимы на холсте, с очень плавной техникой. Затем идут трещины. На картинах, написанных маслом, обычно появляются трещины примерно через пятьдесят лет. Подделки часто используют смесь масляных и водных жидкостей, чтобы имитировать эти трещины. Это самое простое сравнение стилей.

— Административный отдел пригласил самых авторитетных историков-оценщиков из Школы изящных искусств Университета Звездного городка. Они признались в своей беспомощности. Тогда мы прибегли к рентгеновскому сканированию, чтобы изучить текстуру холста. В 16 веке многие продавцы холстов наносили слой свинцовых белил. Неровности волокон холста будут по-разному поглощать рентгеновские лучи, раскрывая материал холста. Весьма вероятно, что художник будет использовать один и тот же материал холста в определенный период. Оценщики часто используют этот метод, чтобы определить период создания работы, и он имеет довольно большой процент успеха. К сожалению, это произведение относится к 15 веку, когда на холстах не использовалась свинцовая краска, что делало рентгеновское сканирование неэффективным.

...

Тем временем Линь Шуйчэн стоял у большого окна дома и разговаривал по телефону.

Свет в доме был выключен, а он находился на связи уже больше часа.

Небо за окном от пола до потолка меняло цвет с ярко-белого на тускло-желтый, а затем с этого оттенка на бледно-голубой. После ванны он надел рубашку и джинсы, осторожно шагая по гладкому полу. Его тело было стройным, у него была хорошая осанка. Шеф, лежавший у его ног, игриво уцепился за край его брюк, следуя за ним.

Вернувшись, Фу Лоинь обнаружил следующую картину: дом был окутан тусклой, мрачной атмосферой, свет не горел.

Шторы от пола до потолка были плотно задернуты, и последние отблески заката бросали ровное сияние на Линь Шуйчэна. Его силуэт, вытянутый в длину и тонкий, казался одиноким и холодным.

Фу Лоинь только что вернулся с работы. Его появление осталось незамеченным Линь Шуйчэном, однако именно последний, насторожившись, бросил быстрый взгляд в его сторону.

Его рука лежала на выключателе, но в итоге он его не нажал.

Фу Лоинь тихо вошел и сел на диван, не тревожа его.

Голос Линь Шуйчэна был чистым и приятным, повествующим с легкостью. Его хорошо поставленный тон был подходящим для повествования и, вероятно, очень привлекательным для девушек.

— Рентгеновский анализ холста был невозможен, как и традиционные методы распознавания. Сотрудники Отдела по общим вопросам взяли образцы поперечного сечения размером с кончик шариковой ручки и проанализировали их с помощью электронного микроскопа. Они обнаружили, что обе картины были сделаны с использованием пигментов примерно 15-го века, и даже толщина краски и манера письма были очень похожи. После этого отдел применил аутентификацию с помощью искусственного интеллекта. Исследователи из бывшего голландского подразделения разработали алгоритм, который мог описывать контуры с помощью дополнительных цветов, выделив различия между подлинником и подделкой. Однако и это не удалось, поскольку не вышло обнаружить никаких цветовых вариаций.

— Второй алгоритм искусственного интеллекта, который используется с прошлого века и имеет показатель успеха более 90%, включает в себя анализ мазков кисти. После компьютерного сканирования он идентифицирует уникальные мазки и линии в произведениях искусства. Музеи всех подразделений подтвердили подлинность тысяч произведений посредством таких сравнений. Любые письменные материалы, оставленные художником, могут служить эталоном для распознавания мазков с помощью ИИ, оцифровывая человеческие привычки. Тем не менее, этот метод также не сработал.

Тем временем Ян Чживэй намеренно выкроил время, чтобы позвонить своему бывшему ученику.

Когда Линь Шуйчэн дошел до этого момента в своем объяснении, они оба пришли к одному и тому же выводу.

Ян Чживэй сказал: — Если это так, то преступная организация, должно быть, использовала метод репликации на молекулярном или даже атомном уровне. Речь идет не просто о создании обычных подделок; это заявление, что они могут это сделать. Будь то молекулярная сборка или атомная сборка, подделка точной копии на молекулярном уровне является провокацией для академических и художественных сообществ, а также для всей полиции Альянса. Зачем преступной банде или воровской шайке обладать такой передовой технологией? Лучшие в мире атомные и молекулярные зонды находятся в моей лаборатории. Так кто же снабжал их лабораторию?

Линь Шуйчэн ответил: — Отдел общих дел, вероятно, еще не рассматривал этот вопрос, поскольку у них нет оборудования, способного осуществлять идентификацию такого высокого уровня. Самое современное оборудование в Звездном городке может достигать только нанометровой точности, и она все еще находится на молекулярном уровне. Учитель, мне интересно, если...

— Шуйчэн, времени нет, — сказал Ян Чживэй. — Сканирование на атомном уровне с последующим сравнением займет не менее десяти дней, а тебе еще предстоит работа. У тебя осталось всего пять дней.

Линь Шуйчэн настаивал: — Нам не нужно сканировать и анализировать все целиком. Можем ли мы просто взять образец для сравнения на атомном уровне?

— ...Шуйчэн.

Его внезапная серьезность застала Линь Шуйчэна врасплох.

Линь Шуйчэн был знаком с этим тоном Ян Чживэя. Когда он был студентом Цзяннаньского филиала, всякий раз, когда Линь Шуйчэн шел по неправильному пути или застревал в узком мышлении, Ян Чживэй говорил с ним тем же тоном, призывая его вернуться назад и пересмотреть свои мысли.

Если бы Линь Шуйчэн и дальше продолжал следовать своей прежней линии рассуждений, Ян Чживэй просто отмахнулся бы от него, попросив его продолжить размышления, а не вступать в бесплодные споры.

Линь Шуйчэн замолчал.

На другом конце провода воцарилась тишина.

Время шло, и Линь Шуйчэн глубоко вздохнул. — Профессор, теперь я понимаю. Даже с помощью молекулярного или атомного анализа мы не можем определить, какая картина подлинная, а какая подделка. Поскольку оригинал не был подделан на атомном или молекулярном уровне, даже если мы обнаружим различия на этом масштабе, все, что это докажет, это то, что они «другие». Мы не можем сделать никаких выводов из этих различий.

Это было похоже на то, как если бы вы стояли перед однойцевыми близнецами и вас попросили отличить, кто из них старший, а кто младший, не предоставляя никакой дополнительной информации.

Можно было бы обнаружить тонкие различия, например, у кого-то уши немного больше, но, не зная, старше или моложе тот, у кого больше уши, все равно нельзя сделать точного суждения.

Они оказались в тупике.

— Шуйчэн, это все, что я могу тебе сказать. Я понимаю, что ты хочешь подойти к этому с помощью химических и физических средств, поскольку это твоя сильная сторона и было направлением твоих исследований, особенно потому, что проблема лежит в этом направлении. Но, сталкиваясь с проблемами, нельзя сосредотачиваться исключительно на текущей ситуации

или упрямо заикливаться.

Голос Ян Чживэя смягчился и стал звучать несколько отстраненно, словно пропитанно нежным вздохом. — Ты и Сяочу, вы оба — мои любимые ученики, но у вас есть общий недостаток: вы слишком молоды, слишком изобретательны и более склонны застревать в колее. Особенно ты, Шуйчэн. Помнишь мое правило? Что я всегда просил тебя делать, когда ты заходил в лабораторию?

Голос Линь Шуйчэна был хриплым. — Титрование. Кислотно-основная... проба нейтрализации. Соляная кислота и гидроксид натрия, индикатор, фенолфталеин, метилоранж.

Это была базовая реакция и эксперимент, знакомый ученикам старших классов и даже младших классов, одно из четырех основных титрований на экзаменах по химии.

По мере того как реагент капал по каплям, цвет раствора постепенно светлел, пока не становился прозрачным, что указывает на полную нейтрализацию кислоты и основания. Ни одной лишней капли нельзя было добавить или убавить.

В университете студенты-химики сталкивались с большим количеством экспериментов по титрованию, координации, окислению-восстановлению, осаждению, ЭДТА... Требовательные профессора настаивали на точном определении «последней капли» с точностью до четверти или даже десятой доли, превращая это в почти мистическую задачу. Это часто критиковали как утомительное и скучное.

Незаметно для них тепло либо поглощалось, либо выделялось, молекулы сталкивались и объединялись, поскольку люди использовали такие методы для исследования концентрации неизвестного, стремясь измерить чудеса Вселенной невооруженным глазом как можно точнее.

Ян Чживэй говорил им, что это романтика химии, воплощение стремления человечества к пониманию невидимого мира.

Проведение эксперимента по титрованию перед входом в лабораторию могло бы успокоить их разум.

— У тебя всегда были лучшие оценки. Я помню, как ты на первом курсе подошёл ко мне и спросил о блок-сополимерных сборках, что было темой моей докторской. Будучи студентом, ты так много знал об этом. Но что меня больше всего не устраивает в тебе, так это твой ум и упрямство. Ты никогда не относишься к титрованию серьезно, считая его пустой тратой времени. Ты полностью погружаешься в свои эксперименты и, когда идешь по неверному пути, не хочешь меняться. Ты предпочитаешь находить решения внутри ошибки, а не искать альтернативы.

Линь Шуйчэн пошевелил губами, желая что-то сказать, но промолчал.

— Шуйчэн, посмотри ясно, где ты сейчас и что у тебя есть. Теперь ты квантовый аналитик. Научись использовать аналитические методы для решения этих проблем. Ты не можешь продолжать жить прошлым. Химия — это твоё прошлое, и я, как твой наставник, тоже часть твоего прошлого. Понимаешь? — искренне говорил Ян Чживэй. — Знаешь, сколько я потратил сегодня времени? Принеси мне несколько жареных цыплят на Новый год. Пришло время проявить благодарность и уважение.

— Профессор, из-за возраста вам не следует есть слишком много мяса, — улыбнулся Линь Шуйчэн, его голос был хриплым. — Спасибо, профессор. Давайте остановимся на этом. Правда, большое спасибо.

Когда звонок прервался, Линь Шуйчэн все еще держал телефон, глядя в темноту за окном от пола до потолка.

Со своего верхнего этажа можно было видеть мерцающие огни тысяч домов. Поток машин на улицах напоминал светлячков, и он слегка наклонил голову, задумавшись.

Фу Лоинь никогда не видел Линь Шуйчэна таким, точнее, с тех пор, как он переехал жить к нему, этот человек постоянно заставлял изменить свое представление о нем.

Он был одним по отношению к себе и другим по отношению к посторонним, послушным и искренним, когда сталкивался со старшими и наставниками. Он был воспитанным учеником, проявляющим бесконечное уважение и доверие к тем, кем он восхищался, способным совершать ошибки и молча опускать голову, чтобы задуматься после того, как его ругали. Когда он глубоко задумывался, в его неподвижности была почти очаровательная серьезность.

Эта внешность была неопишимо пленительной. С наступлением ночи его силуэт на фоне окна стал худым и несчастным.

Одиночество было аурой, которая всегда следовала за Линь Шуйчэном. Он был ночным котом, который запрыгивал высоко, чтобы взглянуть на мир, а затем незаметно исчезал в послесвечении заката.

Можно было ненадолго остаться рядом, даже погладить его пушистую голову и живот, но кот не пошел бы за людьми домой. Он вернулся бы в тени сумерек.

Линь Шуйчэн смотрел в окно, а Фу Лоинь наблюдал за ним.

Не подозревая о его присутствии, Линь Шуйчэн повернулся к входу, когда наступила темнота. Вздрогнув, он обнаружил темную фигуру, сидящую на диване, и инстинктивно сделал шаг назад.

Фу Лоинь щелкнул зажигалкой, зажег сигарету с ментолом и осветил его точеные черты лица,

прежде чем потушить пламя.

Сделав затяжку, он вспомнил, где находится, и быстро затушил сигарету.

С тихим смешком Фу Лоинь сказал: — Только заметил меня?

Линь Шуйчэн проигнорировал его и сел рядом с ним.

Фу Лоинь небрежно притянул его в свои объятия. Затем он почувствовал, как человек в его объятиях слегка пошевелился, когда прохладная рука потянулась, чтобы выхватить мятную сигарету из его пальцев и взять ее в рот.

Сигарета все еще несла в себе легкое тепло и влажность губ и языка.

Линь Шуйчэн закусил сигарету, которую курил Фу Лоинь. Локтем он подтолкнул его: — Зажигалка.

Фу Лоинь только что затушил ее, но не рассердился. Вместо этого он протянул руку, чтобы снова зажечь для него огонек.

Пламя вспыхнуло к жизни, отбрасывая тень под опущенными ресницами Линь Шуйчэна. Его глаза сверкали, а малиновая каплевидная родинка в уголке глаза, казалось, ожила и приобрела чарующее очарование.

В темноте голос Фу Лоиня остался тихим, с оттенком легкой улыбки: — Примерный ученик, куришь? Кто тебя научил?

Никто в семье Фу не курил, кроме Фу Лоиня. Как и большинство мальчиков и девочек, он и Чу Шихан экспериментировали с курением в старшей школе. Чу Шихан поперхнулся и заплакал после одной затяжки и больше никогда не прикасался к сигаретам. Позже Фу Лоинь решил покупать мятные сигареты с низким содержанием никотина, которые было приятно курить, и они бодрили.

Когда он только начал работать, он полагался на кофе, чтобы не заснуть. Но по мере того, как работы становилось все больше, даже кофе стало недостаточно, поэтому он начал курить. После того, как Чу Шихан получил специальность по химии, он нашел время, чтобы разработать сигарету с исключительно высоким содержанием мяты. Одна затяжка посылала ощущение холода глубоко в легкие, не причиняя слишком большого вреда его телу, в отличие от других коммерческих марок.

Линь Шуйчэн, как ни странно, вел себя очень уравновешенно, куря. Он глубоко затянулся, позволяя дыму заполнить легкие, прежде чем медленно выдохнуть.

Он сказал: — Снятие стресса — это то, чему я научился за последние пару лет.

Марс мерцал, и аромат мяты переплетался со свежим ароматом геля для душа Линь Шуйчэна. Шеф запрыгнул на кровать, а Линь Шуйчэн надежно устроился в объятиях Фу Лоиня. Слишком робкий, чтобы двигаться, он мог лишь осторожно кружить вокруг них.

Линь Шуйчэн прочистил горло: — Прохладная.

— Курение вредно для тебя, дорогой студент, — сказал Фу Лоинь. — Постарайся меньше курить в будущем.

Линь Шуйчэн по-прежнему игнорировал его, тихо выдохнув.

Фу Лоинь внезапно нашел его невероятно милым и жалким — несмотря на темноту, которая скрывала все от глаз. Он сказал: — Ты находишься под слишком большим давлением. Я поручу Седьмому отделу взять на себя эту задачу. Тебе нужно лишь учиться.

— Я справлюсь с этим, — ответил Линь Шуйчэн. — Не волнуйся обо мне.

Прежде чем Фу Лоинь успел сказать что-нибудь еще, человек в его руках наклонился вперед, сомкнув их губы.

Запах мяты приблизился, смешиваясь с теплом запаха его тела. Линь Шуйчэн держался за его воротник и целовал его.

Фу Лоинь был удивлен, обнаружив эту напористую и доминирующую сторону Линь Шуйчэна. Это не он целовал Линь Шуйчэна; все было наоборот.

Испуганный их внезапным движением, полосатый кот спрыгнул на землю и стал наблюдать за ними с еще большим любопытством, его зеленые глаза блестели в тусклом свете.

Сам не зная почему, Фу Лоинь почувствовал легкое головокружение в тот момент, когда губы Линь Шуйчэна встретились с его губами. Он вспомнил свои школьные годы, когда его наказывали за пропуск фразы в задании. Учитель китайского языка заставлял его переписывать это сто раз. Это было «ослеплен и очарован». Он использовал копировальную бумагу, допоздна засиживался под лампой и снова и снова писал «ослеплен и очарован». Настольная лампа ярко светила, отбрасывая на бумагу спокойный белый свет. Глубокой ночью он был в офисе Фу Кая, окутанный тьмой. Тени, казалось, нависали со всех сторон, словно призраки таились во тьме.

Целуясь в темноте, Линь Шуйчэн словно переносил его в те бесчисленные тихие ночи, когда его сопровождало лишь поверхностное дыхание.

Оба были несколько взволнованы. Линь Шуйчэн потянулся, чтобы взять его за руку, и мягко укусил его за плечо, прошепав: — Не сегодня.

Фу Лоинь взъерошил ему волосы. — ...Хорошо, я не буду дразнить тебя сегодня и в ближайшие дни. Хороший ученик.

В ту ночь они не включили свет. Линь Шуйчэн какое-то время дремал на диване. Фу Лоинь пошел на кухню, чтобы разогреть несъеденную вчера еду, и позвал Линь Шуйчэна прийти и поесть.

Свет на кухне был теплым желтым и тусклым. Они все еще были окутаны тьмой.

Фу Лоинь сказал: — Я буду в седьмом отделе в течение следующих нескольких дней. Если тебе что-то понадобится, позвони мне или просто приходи.

Линь Шуйчэн хмыкнул в ответ.

После еды Линь Шуйчэн отправился за свой рабочий стол, оставив Шефа снаружи.

Он забыл покормить Шефа. После того, как Фу Лоинь закончил есть, он услышал отчаянные крики Шефа и отправился на разведку.

Обе миски были пустыми и совершенно чистыми.

Фу Лоинь присел, чтобы посмотреть на Шефа, и протянул руку ладонью вверх. — Дашь лапу?

Шеф отказался дать лапу, глядя на него с недовольным видом.

Согласившись на меньшее, Фу Лоинь решил вместо этого погладить Шефа по голове. Однако на этот раз, как только он протянул руку, Шеф бросился прочь.

Тем не менее Фу Лоинь все равно наполнил миску с едой для Шефа.

На этот раз Шеф потерял свое достоинство. Прежде чем вгрызться в еду, он снова приблизился, бросил на него быстрый взгляд, прежде чем возобновить свое пиршество.

Как только он опустил голову, чтобы поесть, Фу Лоинь протянул руку и погладил его по голове.

При этом прикосновении Шеф остановился, как будто столкнувшись с серьезной кошачьей дилеммой: следует ли ему терпеть поглаживание по голове и продолжать есть, или ему следует разозлиться и вообще отказаться от еды?

После некоторого размышления он возобновил трапезу.

Фу Лоинь снова погладила его.

Повторив этот цикл три или четыре раза, полосатый кот наконец потерял терпение и взмахнул хвостом, приближаясь к нему, чтобы драться.

Фу Лоинь усмехнулся. — Ты, должно быть, и вправду из семьи Линь, да? Почему вам всем так нравится кусать людей? Кошки действительно любят своих хозяев.

<http://bllate.org/book/12972/1140231>